

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ. XXI ШИШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. ОБЗОР

С.М. Медведева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

23 апреля 2016 г. в МГИМО прошли XXI Шишкинские чтения – ежегодная конференция, которую проводит кафедра философии в память о своём основателе и первом заведующем известном отечественном философе-этике Александре Фёдоровиче Шишкине. В конференции приняли участие преподаватели МГИМО: профессор, д.ф.н. А.В. Шестопад, профессор, д.ф.н. Т.В. Панфилова, профессор, д.ф.н. М.А. Мунтян, профессор, д.ф.н. М.В. Силантьева, доцент, к.полит.н. М.В. Харкевич, доцент, к.ф.н. А.Н. Самарин, доцент, к.соц.н. Н.В. Литвак, доцент, к.филол.н. С.Н. Лютова, доцент, к.ф.н. Д.Н. Белова, профессор, д.ф.н. В.С. Глаголев.

В конференции также участвовали приглашённые гости университета: главный научный сотрудник Института философии К.М. Долгов, генеральный директор НПК «Дидактика», президент «Консорциум образовательная среда» А.С. Игнатенко-Ламздорф, директор по международным отношениям Центра гуманитарного сотрудничества М.А. Халиль.

По традиции активное участие в развернувшейся дискуссии приняли аспиранты разных кафедр: Д.С. Горшенёв, У.А. Хайлова, А.Ю. Беленко и другие.

Ключевые слова: философия, этика, история, мораль, дипломатия, образование, культура.

В этом году в рамках Шишкинских чтений обсуждалась тема «История и мораль». Как подчеркнул во вступительном слове заведующий кафедрой философии А.В. Шестопал, данная тема была выбрана в связи с приближением юбилеев исторических событий, определивших ход развития России в XX веке: 100-летия событий 1917 года, 75-летия начала Великой Отечественной войны (1941) и 25-летия событий 1991 года. Каждая из этих дат продолжает вызывать острую дискуссию в научных кругах и в широкой аудитории, где сталкиваются различные позиции как по вопросу о нравственной составляющей самих исторических событий, так и по вопросу о нравственных основаниях их оценки и переоценки.

Далее А.В. Шестопал напомнил участникам конференции о роли А.Ф. Шишкина в развитии советско-русской этической философии. Этот философ принадлежал к блестящей плеяде профессоров, заложивших традиции МГИМО-Университета. Его особая заслуга состоит во внесении нравственной, ценностной проблематики в исследования различных сторон социального развития и международных отношений. В частности А.Ф. Шишкин был первым среди советских философов, кто рассмотрел проблему общечеловеческих нравственных ценностей. Его наследие до сих пор сохраняет научную ценность.

В своём докладе К.М. Долгов проанализировал нравственное измерение истории и историческое измерение нравственности. Как подчеркнул докладчик, нравственная проблематика лежит в основе всех древнейших философских и религиозных учений. Нравственность составляет основу учений Сократа и Платона, Будды, Конфуция и Лао Цзы и т.д. Во все времена именно нравственная проблематика была движущей силой развития культуры и духовности, поскольку без нравственных основ любая человеческая деятельность обречена на вырождение. К сожалению, развитие цивилизации в последние несколько столетий привело к потере интереса к проблемам нравственности. Современное общество слишком заиклено на получении сверхприбыли, власти, комфорта и т.п. Все это ведёт к моральной деградации человечества и, как следствие этого, к духовному падению человека.

Т.В. Панфилова рассмотрела проблему соотношения истории и этики с точки зрения обыденного сознания. Проблема нравственной оценки исторических событий, отметила докладчик, присутствует и в обыденном сознании. Когда в телевизионной программе «Танцы со звёздами» танцор выступает в нацистской форме, это заставляет задуматься: есть ли совесть как у самого танцора, так и у авторов передачи. Такой поступок наносит оскорбление не только ветеранам, но и каждому из нас, поскольку ветераны – это наши отцы и деды.

Пересмотр истории поддерживается идеологически. Пример тому – успешная защита в начале 2016 года в Санкт-Петербургском университете диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Диссертация посвящена организации управления РОА, а действия генерала Власова расцениваются в ней не как предательство, а как форма социального протеста. И это происходит в Ленинграде, пережившем блокаду. Сказывается антироссийская установка Учёного совета.

Таким образом, в российском обществе имеет место осознанное или неосознанное искажение истории как по идеологическим основаниям, так и по недостатку нравственного воспитания.

В своём выступлении М.А. Мунтян размышляет о наследии Второй мировой войны. В настоящее время в МГИМО подготовлено к публикации 15-ти томное издание, приуроченное к 70-летию победы. Работа над подобным многотомным изданием неизбежно связана с проблемами оценки и переоценки исторических фактов, с проблемами фальсификации истории. Как отметил докладчик, в последние десятилетия в историографии Второй мировой войны наблюдается тревожная тенденция: вменять России вину за развязывание Второй мировой войны наравне с гитлеровской Германией. Подобная точка зрения приобретает всё большую популярность в западной исторической науке. Более того, в последние годы появилась точка зрения, доказывающая, что Вторая мировая война не закончилась в мае 1945 г., а переросла в холодную войну. Фактически Россия приравнивается к гитлеровской Германии, ей предписывается пройти тот же путь покаяния, подчинения западным стандартам, зависимости, потери суверенитета. Самое печальное в этом, что подобная позиция получила хождение и в России, причём не только среди обывателей, но и в академических кругах. В итоге следует признать, что против России ведётся информационная война, направленная на разрушение её исторического самосознания, её идентичности, основанной на этом самосознании, что в результате приведёт к разрушению российского суверенитета.

Доклад М.В. Силантьевой был посвящён анализу парадоксов соединения этики и науки. Как известно, история как позитивная наука родилась сравнительно недавно, в 60-ые гг. XIX в. До этого предмет исторического знания включал в себя составление биографий и описаний уникальных событий общественной жизни, поразивших современников экстраординарностью. Здесь кроется первое противоречие исторического знания, состоящее в несоизмеримости «логики истории», заставляющей искать исторические закономерности, и «истории истории» как описания уникальных событий. Это противоречие составляет фундаментальный противовес стремлению объявить историю «моральной». Или, по крайней мере, поставить моральность во главу угла исторического знания, выделив этический идеал в качестве некое-

■ Научная жизнь

го антропологически предначертанного вектора развития общества.

Второй очень важный противовес такой точке зрения связан с классическим для ново-европейской парадигмы мышления требованием разведения различных областей знания: с одной стороны – знание этическое, с другой – религиозное, с третьей – эстетическое, с четвёртой – научное. И уж если вспоминать И. Канта, то он как раз вывел этические суждения в отдельную область знания – знания о должном действии, отделив их от теоретических (научных) суждений и суждений оценки (вкуса); о чём и написаны соответствующие «Критики». Теоретическое знание категорически дистанцируется не только от науки, но и от чувственных оценок. Это не значит, что такие оценки не важны. Но прежде чем к ним прибегать, необходимо выстроить своего рода «интеллектуальную матрицу», их организующую, чего и требует не только трансцендентализм, но и всякая философская этика как рациональное знание.

В качестве фундаментального критерия, позволяющего определить степень обоснованности возможности соединения этики и исторического знания, следует иметь в виду стартовую для философии дистанцию между общим, особенным и единичным. *Есть* то, что в теоретической этике носит название «нравственных абсолютов» – общие основания добра; *есть* национально-исторические интерпретации этих оснований и кодифицирующие их нормы (особенное). *А есть* – индивидуальный и личный выбор, соединяющий общее и особенное в единство целостной жизни. Эта позиция была прекрасно раскрыта и обоснована А.Ф. Шишкиным в его книгах: попробуйте договориться – и на уровне бытовом, и тем более на уровне дипломатическом о том, чтобы такая связь была познавательной-корректной и практически оправданной!

Стоит подчеркнуть, что требование «развести» этику и историческое знание не означает принципиального отказа от исторического конструктивизма, констатирующего ориентацию исторического знания на те приоритеты, которые навязывает ему современность (пример – учебники истории, систематически «дорабатываемые» в полном соответствии с принципами конструктивизма). Однако конструктивизм имеет тонкую грань, разделяющую его с прямой идеологизацией знания, сводящей к нулю его собственно научную компоненту. Любая аксиологизация знания как временная «привязка» даёт «крен» в сторону возможной идеологизации, но не обязательно совпадает с ней.

Одной из форм аксиологизации выступает сегодня апелляция к «национально-культурным ценностям». Обрушивая «мосты между временем и вечностью» (П. Рикёр), аксиологизация как легитимация этических лекал по отношению к «чистому знанию» парадоксальным образом способствует обрыву связей с теми «моральными абсолютами», которые составляют основание этического –

должного – поведения вне зависимости от его конкретного нормативного «формата», заданного исторически. Отсюда – один шаг до идеологических спекуляций абстракциями (типа «народ»). Подобное уже не раз имело место в истории, и последствия таких спекуляций хорошо известны.

Моральная оценка социально значимых действий, конечно, необходима. В том числе, путём обращения к таким категориям марксизма, как «экономический интерес». Данная категория, по мнению Силантьевой, позволяет корректно ставить вопрос о причинах тех или иных исторических действий, не выводя их из области «этических» домыслов, и вместе с тем сохраняя реализм, требующий учёта чувственных импульсов поведения. Категория «интереса», таким образом, предоставляет возможность дать необходимую этическую оценку результатам научного объяснения.

М.В. Харкевич рассмотрел этическую проблему свободы и её зависимость от войны и науки. В своём выступлении автор отталкивался от работы И. Канта «Предполагаемое начало человеческой истории», в которой философ пересказал историю Ветхого завета в терминах борьбы осёдлого и кочевого населения, победа в которой осталась за первым. Примечателен способ, которым была одержана эта победа. «Со временем, – пишет Кант, – всё увеличивающаяся роскошь горожан, в особенности их искусство равиться, благодаря которому городские дамы затмевали чумазых женщин пустыни, должна была стать для кочевников влекущей приманкой и побуждать их ко вступлению в союз со своими врагами и разделению с ними блистательной нищеты города». Главный вывод Канта в том, что пока «между ними [кочевыми и осёдлыми племенами] шла непрерывная война, по меньшей мере существовала её угроза, и народы обоих лагерей могли, по крайней мере внутри общегития, наслаждаться неопределённым благом свободы». Этим утверждением Кант ставит политическую свободу в прямую зависимость от войны или её угрозы. Народ может наслаждаться определённой свободой от деспотической власти, только если деспот осознаёт постоянную внешнюю угрозу войны. Причина зависимости свободы от войны, по Канту, сводится к утверждению, что свобода граждан является условием для создания богатства нации. «Для того чтобы государство теперь было сильным, требуется богатство, без свободы же не может развиваться деятельность, создающая богатства».

Таким образом, поддержание политической свободы напрямую зависит от наличия войн, тогда как упразднение военной угрозы приведёт к ограничению свобод. Народы продолжали воевать друг с другом на протяжении всей истории, пока учёные не изобрели ядерное оружие, которое уничтожило смысл войны. Холодная война была остаточным явлением. С её окончанием неизбежно должно произойти и сокращение гражданских свобод.

Однако на смену угрозе войны пришли «новые вызовы и угрозы». Главной среди них считается терроризм. К сожалению, эта угроза не защищает свободу, а напротив ещё больше её ограничивает. Ответ на угрозу терроризма, как правило, состоит в усилении контроля над поведением человека.

В итоге, если старая угроза войны и новая угроза терроризма не являются хранителями свободы, что может её защитить? Почему «тираны» должны сохранять свободу своих граждан?

Представляется, что единственная возможность сохранить свободу – убедить политическую элиту в том, что свобода обладает самостоятельной ценностью. Это сложно сделать, так как политическая элита всегда была свободна. Речь идет не об их свободе, а о свободе народа. Кто может убедить политическую элиту в ценности свободы? Это может сделать только научная элита. Потому что политики пока ещё как-то верят учёным. Главным образом потому, что учёные когда-то создали для политиков атомную бомбу. Этим они заставили себе верить, но и, создав ядерное оружие, учёные, по сути, уничтожили основы политической свободы по Канту. Они же должны её и сохранить, заменив собой угрозу войны. Они должны убедить политическую элиту в самостоятельной ценности свободы народа. Если они не будут справляться с этой задачей, свобода будет продолжать сокращаться, в том числе и для самих учёных.

А.Н. Самарин обратился к анализу этических проблем оценки современных российских реалий. Как подчеркнул докладчик, в настоящее время Россия живет в условиях третьей смуты за последнее столетие, каждая из которых сопровождалась социальными катаклизмами с большим или меньшим развалом страны под либеральными лозунгами, а также хаотизацией общественной жизни. Всякий раз потрясения сопровождалась деградацией производства, обнищанием масс, упадком морали, особенно в правящих слоях. Троекратно, всего за один век, происходившие смуты поразительно параллельны в самых разных аспектах и сама их повторяемость не внушает большого оптимизма, поскольку очевидна неустойчивость системы.

Хотя немалую роль в 1917, 1991, и 2016 гг. в стимулировании внутренних кризисов сыграли внешние силы, в частности, геополитические конкуренты и международный финансовый капитал, всё же главной предпосылкой развертывания системных обвалов являлось качество правящих элит, их групповой эгоизм, политическая близорукость и откровенно мародерские наклонности, слабо прикрываемые ныне идеей приватизации. Кроме вульгарного обогащения за счёт общенационального достояния они не способны к какой-либо продуктивной деятельности.

Интеллектуальный уровень поголовья «эффективных менеджеров», по оценке академика

Ю. Рыжова, опустился ниже плинтуса. Не выше и уровень патриотизма. Вот, например, выразительное подтверждение мысли академика. Считающийся крупным идеологом реформизма, экс-министр экономики Г. Греф заявил, что ныне Россию спасёт только отказ от образования, хотя всем очевидно, что прогресс возможен только на базе подъёма образования и науки. Под флагом реформ в России состоялись: демодернизация производства с практическим исчезновением высокотехнологичных отраслей хозяйства, уничтожение науки, рефеодализация общественной жизни и деинтеллектуализация процесса управления, который совершенно лишился научных оснований. Впереди – либо санация элит, либо обрушение государства.

Доклад А.С. Игнатенко-Ламздорфа был посвящён рассмотрению моральных проблем современной российской системы образования. Исходной посылкой доклада является то, что система образования в современной России находится в состоянии упадка. Причиной тому стало безграмотное управленческое решение, сместившее целеполагание системы образования с ориентации на результат на ориентацию на усреднённый финансовый показатель. От системы не требуется результат, не требуется блестящий или качественный ученик, требуется, чтобы ученик стоил определённую сумму денег. Это называется подушевым финансированием. Следствием этого смещения следующие. В прошлом учителя дорожили учителем, теперь же учитель становится зависимым от «усреднённого ученика». «Усреднённые ученики» порождают «усреднённого учителя». Возникает порочный круг. Более того, население недвусмысленно обманывают. Действительно, образовательные учреждения так и не получили финансовой самостоятельности. Чиновники не спешат отказываться от денежных потоков. Но, тем не менее, культивируется «усреднённый ученик» и «усреднённый учитель». Вследствие этого, средняя и высшая школы будут обрастать некими «усреднёнными атрибутами», среди которых не будет места для науки, дидактики и методики. Почему? Потому что наука, дидактика и методика порождают яркую личность учителя. Но она неуместна в сложившейся системе. Науку и дидактику замещают реклама и маркетинг. Среди подобных «усреднённых атрибутов» – система усреднённых оценок: система усреднённых рейтингов, равняющая под одну гребёнку учреждения с различными социальными задачами и функциями.

В своём докладе М.А. Халиль провёл аксеологический анализ египетских революций. Как известно, в Египте за последние пять лет произошёл ряд важнейших, исторических событий. 25 января 2011 г. вслед за Тунисом в Египте произошла революция, получившая, соответственно, название «январской», а 30 июня 2013 г. миллионы людей вышли на улицы сказать «нет» радикалам движения «Братья мусульмане»*, оказавшимся у власти в стране.

* Организация запрещённая в РФ.

■ Научная жизнь

Характерно, что лозунги протестных движений, а также пафос и мотивация миллионов египтян, вышедших на улицы своих городов и деревень по всей стране, имели мощный аксиологический заряд, сформированный очевидными религиозными, а точнее – исламскими ценностями.

В результате попытки классифицировать исламские ценности выяснилось, что многие из первостепенных аксиологических установок легли в основу протестных лозунгов и настроений. Среди основных мусульманских ценностей представляется возможным выделить следующие: вера, справедливость, милосердие, долг, намерение, благожелательность, смирение, целомудрие, знание, достоинство, щедрость, терпение, соборность, моральность, прощение, уважение, мир, собственность, семья.

Все восемнадцать дней стояния на каирской площади Тахрир и других площадях Египта имели целью свержение коррумпированного режима президента Хосни Мубарака мирным путем. В египетском менталитете имеется устойчивая установка на необходимость избегать насилия, которая в свою очередь поддерживается исламским предписанием сохранять мир и терпение. Насилие и кровопролитие начались в результате приказа внутренним войскам разгонять демонстрантов.

Отдельного внимания заслуживает межконфессиональное взаимодействие египетских мусульман и христиан в этот период. Представители двух религиозных конфессий страны не только бок о бок выходят на демонстрации, но сама идея национального единства, которая в египетском контексте означает единство мусульман и христиан, получает новое звучание.

На одиннадцатый день революционных выступлений по всей стране – 4 февраля, названный «Пятницей Ухода», на Тахрире решено провести мусульманскую пятничную молитву. Египетские христиане-копты становятся в огромный круг по периметру площади, взявшись за руки и образуя человеческую цепь, чтобы охранить своих мусульманских братьев от возможного нападения полиции, а уже через день – в «Воскресенье Мучеников» копты проводят молебен, а мусульмане также охраняют их. Обнимающиеся священник и шейх становятся одним из символов египетской революции. Коран и крест – значимые символы нового Египта можно было видеть в руках у многих египтян.

Вскоре после отстранения Мурси и исламистской организации «Братья мусульмане» от власти впервые египетские копты постились в один из первых дней священного месяца Рамадан вместе со своими братьями-мусульманами, чтобы отпраздновать освобождение от исламистской тирании. При наступлении захода солнца впервые в Египте одновременно звучал мусульманский призыв на молитву азан (после которого наступает разговение) и колокольный звон коптских церквей.

В докладе Н.В. Литвак поставил вопрос о роли морали в принятии внешнеполитических решений на примере французской дипломатии. Как подчеркнул докладчик, рассмотрение моральной составляющей во внешней политике и дипломатии Франции представляет особый интерес. Этот выбор обусловлен её историческим первенством или существенным вкладом в таких областях, как создание современной дипломатии и дипслужбы, права человека, мораль во внешней политике. На обширном фактическом материале Н.В. Литвак доказывает существование колоссального разрыва между моральной риторикой и фактическими действиями Франции во многих сферах внешней политики.

Какие могут быть причины такого расхождения между публичными заявлениями и реально проводимой политикой? По мнению докладчика, дело, прежде всего, в сложившейся международной обстановке и её оценке французскими политиками. Многие французские дипломаты и исследователи считают современный – после исчезновения СССР, мир, *однополярным* с доминированием США по всем направлениям, а внешнюю политику Франции полностью реактивной, состоящей в стремлении сохранить уменьшающееся влияние страны на международной арене.

Можно сделать вывод, что французские политики и специалисты, включая дипломатов, понимают, какова ситуация, и что в ней, прежде всего, надо как-то выживать. Отсюда и такая внешняя политика. Но моральна ли она? Если исходить из абстрактного или субъективного представления о морали, как о якобы возможном однозначном решении проблемы добра и зла, то французская политика, конечно, прагматична, тем более, что она преследует высшие – национальные – интересы. Правда, как выяснили французские социологи, исследовавшие работу своего МИД, «интересы Франции» в различных конкретных случаях не заданы априорно, раз и навсегда, а постепенно конструируются и уточняются по ходу событий и их обсуждений. «Многие цели оказываются (при этом) противоположными: как (например) политически отвечать на жёсткие события, информация о которых растиражирована в медиа (захват заложников, массовые убийства)?».

Таким образом, если понимать под аморальным несоблюдение каких-то конкретных принципов, то в отношении текущей французской внешней политики так говорить нельзя. Логически ошибочно называть аморальными чужие принципы на том основании, что они не соответствуют собственным. В том числе, моральной следует считать даже политику, основным принципом которой объявлена *беспринципность*. Если же понимать под аморальным несоблюдение морали, т.е. не то что чужих или «универсальных», а даже собственных принципов, то, возможно, что таковой и можно было бы определить французскую внешнюю политику.

В докладе Д.Н. Беловой рассматривалась эволюция женского образа в изобразительном искусстве и связанные с этим моральные проблемы. Как показала автор, восприятие наготы как «художественной формы искусства» изменялось во времени так же как и обнажённость женского тела. Начиная с V в. в Греции и до наших дней нагота не отделима от теологической символики. Адам и Ева были созданы без одежды, им дарована сверхъестественная благодать, которая покрывает их тела. В философии Средневековья и Ренессанса утвердилось существование живописных изображений Венеры Небесной и Венеры Земной. Европейское искусство стремилось предать образам Земной Венеры формы, способствующие превращению её в Венеру Небесную.

Изменение женского тела, его пластики в многочисленных художественных изображениях имели нравственное толкование, наполненное духовностью, и создавались под влиянием исторических идей, ментальности, экономического и политического уклада общества.

Духовность в настоящее время подверглась забвению. Женские образы, насыщенные эстетикой, должны проходить через душу художника, отражаясь в нём, найти достойное воплощение на полотнах. Религиозное искусство угасло, а светское в основном бездуховно, выставляя напоказ наготу в уродливо-причудливых формах. Современные СМИ исказили, унизили, «вывернули наизнанку» тело и душу женщины. Нагота выступает широким фронтом в кинематографе, телевидении, художественных литературных произведениях, живописи, фотографии; предпочтение отдаётся естеству, излишнему эротизму, забываются художественные ценности и духовное содержание изображаемых образов, превращая женское тело в арт-объект.

В докладе У.А. Хайловой проанализированы культурно-исторические и психологические аспекты внешней политики Японии по отношению к России. Как показано в докладе, на сегодняшний день суть внешней политики Японии по отношению к России состоит в том, что японцы представляют последнюю в первую очередь одним из гарантов региональной безопасности. Россия воспринимается, прежде всего, как военная держава, способная сохранить стабильность в регионе в соответствии с государственными интересами Японии, которой по конституции запрещено иметь свою постоянную армию и вооружение. В меньшей степени Россия рассматривается в качестве приоритетного поставщика сырьевых ресурсов для нужд японской экономики и в целом полноценного незаменимого торгового партнера. Однако в большей степени Россия – это та страна, с которой ввиду неразрешённой территориальной проблемы отсутствует мирный договор со времени окончания Второй мировой войны, что часто, по мнению японской стороны, служит значительным препятствием для выстраивания полноценных

двусторонних отношений, основанных на взаимодововерии, дружбе и взаимоуважении: «Российско-японские отношения можно признать удовлетворительными лишь отчасти. Поскольку позиции стран по территориальному вопросу продолжают оставаться несовместимыми, нет и признаков того, что в обозримом будущем Россия и Япония преодолеют «пережитки прошлого» и заключат на взаимоприемлемых условиях мирный договор». Причины подобного отношения корнями уходят в историю Японии и историю её взаимоотношений с Россией. В частности, как показано в докладе, специфика нынешней позиции Страны восходящего солнца в отношении России во многом обусловлены особенностями формирования национальной идентичности Японии. До Второй мировой войны в японском самосознании преобладали ультра-националистические настроения, во многом развенчанные поражением в войне, но отнюдь не изжитые окончательно. Поэтому «оккупация» СССР, а затем Россией (как правопреемницей) японских территорий воспринимается крайне болезненно именно в силу психологических моментов. Таким образом, сложность двусторонних отношений легко связать с проблемой восприятия исторического прошлого и культурной спецификой самой Японии.

В своём выступлении С.Н. Лютова размышляла о том, как большая история отражается в малой – в истории семьи. И тот нравственный выбор, подчеркнула докладчик, который общество делает на каждом вираже своей судьбы, взаимосвязан с частными эпизодами принятия морального решения каждым членом общества, каждой семьёй.

Только занявшись генеалогией несколько лет назад, С.Н. Лютова смогла отождествить безымянного «дядюшку» своего прадеда, которого осенью 1917 г. прадед почему-то навещал в Московском Заиконоспасском монастыре, с ушедшим туда на покой в должности настоятеля Василием Дмитриевичем Богоявленским (1867-1918), архиепископом Черниговским и Нежинским, прославленным в 2000 г. РПЦ в качестве священномученика.

Восьмая часть семейных корней С.Н. Лютовой восходит к тамбовскому духовенству, и не одни священномученики Богоявленские (упомянутый архиепископ Василий и Владимир, митрополит Киевский и Галицкий /1848-1918/) в этом роду, как выяснилось, пали жертвами событий, развернувшихся после 1917 г. Между тем, на информацию об их судьбах в семье был наложен запрет: дети, рождавшиеся в 1930-40-х гг., ни о чём не знали и выросли (заботами своих родителей) хорошо образованными профессионально, счастливыми и свободными от социальных тревог... манкуртами (вспомним бессмертный образ Ч. Айтматова!).

Более того, в семье повторяли (с явственно суггестивной интонацией): «Все сословия в нашем роду были, КРОМЕ ДУХОВЕНСТВА», – и

■ Научная жизнь

вспоминала почтенных лет дама (к слову), как, маленькой девочкой, страшно боялась священников...

Годы спустя профессиональный психолог в лице С.Н. Лютовой не может не усмотреть в этом подчёркивании, как и в детском страхе, признаков *отрицания* и *реактивного образования*, защитных механизмов, описанных в психоанализе (первый позволяет полностью отмежеваться от чего-то угрожающего, что между тем не выходит из головы, второй заставляет принимать установки и ценности, противоположные изначальным, теперь, однако, чреватые душевной болью).

Вот только в данном примере это механизмы психической защиты не личности, а общества, в масштабах которого они оборачиваются феноменом «потерянных предков», хорошо известным генеалогам, – когда близкие родственники прямых предков с какого-то момента оказываются стёртыми из семейной памяти. И неясно, умерли ли они, или уехали, или в семье некогда произошла ссора. На поверку оказывается, что «потерянные предки», связь с которыми оборвалась, – то репрессированные родственники, эмигрировавшие или опасные для будущего подрастающего поколения семьи из-за того, что стал очевиден их неприемлемый социальный статус.

Причина феномена «потерянных предков», однако, может быть глубже, нежели в невротических защитных механизмах социума или в сознательном решении родителей оградить детей от опасной информации: вытеснению её могла способствовать и аффективная установка значительной части населения (как минимум в двух поколениях) на *светлое будущее*, некий невротический футуризм.

В 1920-50-е гг. наша страна действительно пережила такую головокружительную модернизацию во всех сферах, приковав к себе внимание ойкумены, что частные скорби людей могли им самим показаться несущественными и даже постыдными на таком грандиозном фоне. Точно так же несущественным и даже постыдным могло показаться родство с ретроgrадами, упорствующими в отжившей идеологии (вечная проблема отцов и детей, помноженная на характер эпохи).

Хотелось бы верить, что, пережив все колебания маятника между прошлым и будущим в общественных настроениях, страна придёт к здоровым отношениям со временем, а вместе с тем и к устойчивой нравственности, основанной везде и во все времена на семейных ценностях и преемственности поколений.

В выступлении Д.С. Горшенёва рассматривалось понятие «бездомность» в реалиях Латинской Америки. Основная идея выступления заключалась в том, что для Латинской Америки понятие «бездомность» актуально не только с экономической, но и с философской точки зрения. Первые переселенцы потеряли свой дом (метрополию), но не обрели его в новых землях,

оставаясь для местного населения чужаками. На помощь пришла католическая церковь, а христианство стало объединяющей основой по линии разломов «метрополия-колония» и «колонизаторы-индейцы» и канализировала недовольство социального расслоения в русло ожидания Царства небесного, где каждому воздастся по его вере.

Однако, освобождение от колониальной зависимости, секуляризация и, как следствие, переход к обществу модерна, стали причиной резкой культурной децентрализации субъекта, последним этапом которой стала идея индивидуальных культурных миров, сформулированная Гуссерлем. В этот момент индивид достиг высшей степени свободы, покинул свою однородную культурную среду и направился в культурный Космос.

Тогда традиционный мир, устроенный на религиозных ценностях, становится на одну ступень с внутренним миром каждого человека, раньше рассматриваемого и оцениваемого через призму этого самого традиционного мира (посредством рефлексии).

Когда эти миры существуют автономно и параллельно, то индивид не чувствует себя «дома» ни в одном из них. Здесь можно говорить еще об одном измерении бездомности – качестве состояния духовности, где превалируют чуждость внешнего и пустота (из-за невозможности рефлексии) внутреннего миров.

И если раньше каждый из тех, кто был бездомным по экономическому основанию, мог рассчитывать на Царство Божье, как прибежище вечное и окончательное, то теперь этот путь становится лишь одним вариантом из множества, к тому же не очень привлекательным.

Таким образом, доказывает Д.С. Горшенёв, к проблеме социально-экономической «бездомности» в Латинской Америке добавляется «бездомность» метафизическая, создавая для государства проблему возрождения социалистических партий и политизированных религиозных движений.

А.Ю. Беленко коснулась моральных проблем исламизма и фальсификации истории. Миф о «золотом веке» характерен для любой идеологии, утверждает докладчик. В этом плане исламизм или политический ислам зиждется на идее ревизионизма комплекса норм мусульманского права, сложившихся на протяжении первых веков ислама и разработанных поколениями мусульманских теологов, и возвращения к мнимой «чистоте» мусульманской религии. Идеи обновления и реформации, охватившие мусульманский мир в период с XVII по начало XX века, привели на волне борьбы с колониализмом к появлению панисламизма, а затем и разнообразных течений исламизма, провозгласивших оправданность вооружённой борьбы за «очищение» мусульманского общества от «нововведений». При этом разработанные и выверенные положения классического мусульманского права подменя-

ются доводами, основанными на вырванных из контекста всего массива мусульманских текстов фразам, трактуемых «современными муджтахидами» в угоду интересам соответствующих политических сил.

Итоги конференции подвел В.С. Глаголев. Докладчик подчеркнул, что наука история и наука этика принципиально отличаются друг от друга по целому ряду признаков. Изучение прошлого предполагает рассмотрение свершившегося как целостного образования, достигающегося современникам по цепочке поколений, уходящих «вглубь» жизни людей на Земле. Чем древнее история, тем, как правило, меньше однозначных исторических свидетельств, совокупность которых даёт целостную и исчерпывающую картину жизни поколений. К тому же последние склонны сообщать о своих делах и поступках сведения, придающие их жизни двусмысленный (а тем более порочный) характер. Поэтому систематически «зачищаются» архивные документы. Их также периодически фальсифицируют, чтобы опорочить одних исторических деятелей и представить в выгодном свете других в соответствии с идеолого-политическими ситуациями.

Этика же интересуется прошлым лишь в той мере, в какой его примеры в состоянии определять высокую нравственную планку нынешнего и последующих поколений. Её правила и нормы дают идеальные образцы поведения для сегодняшнего и будущих поколений.

Непреложность и объективность результатов исторического процесса систематически подвергается суду современников. Хотя исходное требование грамотного историка – исключать в своих рассуждениях сослагательное наклонение. Тем не менее, современники пристрастно судят историю. Здесь по существу происходит расчистка поля для манёвра тех сил современного поколения, которые активно пытаются осуществить свои интересы в социуме.

По результатам этих нравственных судов происходят перегруппировки и реорганизации активистов последнего призыва, стремящихся

реализовать свои позиции в разнообразных сферах – в политике и законодательстве, в образовании и здравоохранении. Воплощение результатов нравственных усилий активного поколения социума вносит в исторический процесс новые акценты, формирует альтернативы настоящего и будущего жизни общества.

В результате этого взаимодействия объективированных усилий людей прошлого и активности ныне живущих утвердятся те возможности общественного движения, для которых существуют основательные предпосылки в истории социума. Подготовленные ею «разломы» и возможности взрывов непременно будут использованы частью нового поколения.

Отсюда – базовое правило для вступающего в жизнь активиста: предельно ответственно относиться к оценке реально существующих возможностей общественных преобразований и выбору путей и средств для их осуществления. Взвешивать собственные силы и силы своих сторонников, степень обоснованности позиций оппонентов и связи мотивов аргументации последних с постижением социумных ситуаций и процессов.

Этика же политической ответственности предполагала наличие готовности подчинять личные, семейные и кастовые интересы требованиям неперемennого соответствия мотивации и систематизации политической деятельности задаче сохранения темпов экономического и культурного развития, которые сложились в стране к концу XIX в. Пренебрежение этими требованиями в повседневной жизни правящей элиты и в мотивации принимаемых ею решений обрекало на дезорганизацию как армию, так и тыловые структуры, всю жизнь страны.

Невыученные «уроки истории», о которых говорил В.О. Ключевский, больно бьют нерадивых учеников. А готовность к учению – фундаментальная этическая категория как молодого, так и зрелых поколений, активно участвующих в жизни страны.

Об авторе

Светлана Михайловна Медведева – E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00344.

HISTORY AND MORALITY XXI SHISHKIN READINGS REVUE

S.M. Medvedeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

■ Научная жизнь

Abstract: 23d December 2016 the Department of Philosophy of MGIMO-University conducted annual XXI Shishkin Readings in memory of famous Russian philosopher A. F. Shishkin, the founder of the Department of Philosophy in MGIMO. The participants of the event from MGIMO-University were the following: professor A.V. Shestopal (Doctor of Philosophy), professor T.V. Panfilova (Doctor of Philosophy), professor M.A. Muntyan (Doctor of Philosophy), M.V. Silanteva (Doctor of Philosophy), associate professor M.V. Harkevich (PhD), associate professor A.N. Samarin (PhD), associate professor S.N. Lutova (PhD), associate professor D.N. Belova (PhD), professor V.S. Glagolev (Doctor of Philosophy).

The invited guests of the University were the following: Chief Researcher of Institute of Philosophy professor K.M. Dolgov (Doctor of Philosophy), director of scientific-producing company "Didactic", president of "Consortium Educational Environment" A.S. Ignatenko-Lamsdorff, director of the Center for International Relations M. Halil.

Also in the conference participate the postgraduate students from different departments: D.C. Gorshenev, U.A. Hailova, A.U. Belenko, etc.

Key words: philosophy, ethics, history, morality, diplomacy, education, culture.

About the author

Svetlana M. Medvedeva – PhD, associate professor of department of philosophy, MGIMO-University.
E-mail: svetamedvedeva@mail.ru.